

оригинальная статья

Недобросовестность страховщика на этапе заключения договора страхования

Сенотрусова Евгения Михайловна
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Россия, Иркутск
<https://orcid.org/0000-0001-8292-1193>
evg-suranova@yandex.ru

Иванчей Вячеслав Витальевич
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Россия, Иркутск
<https://orcid.org/0000-0001-5320-1605>

Поступила в редакцию 12.08.2022. Принята после рецензирования 12.09.2022. Принята в печать 21.10.2022.

Аннотация: Освещаются проблемы несоблюдения страховщиком требований добросовестности на стадии формулирования условий договора страхования и его заключения. На основе анализа доктринальных разработок и судебной практики приводятся примеры недобросовестного (в объективном смысле) поведения страховщика: включение в текст договора страхования несправедливых условий, в том числе посредством использования мелкого, трудночитаемого шрифта; значительное ограничение страхового покрытия; установление необоснованно коротких сроков уведомления страховщика о наступившем страховом случае, неожиданное сужение территории страхования и др. Приведен пример недобросовестности страховщика в субъективном смысле – фактическая осведомленность об обстоятельствах, имеющих существенное значение для определения вероятности страхового риска, или наличия реальной возможности получения информации о таковых. Обосновывается необходимость более широкого применения механизма, закрепленного в ст. 428 ГК РФ, а также правила *contra proferentem* в целях борьбы с несправедливыми договорными условиями и дисбалансом в страховых отношениях. Обсуждается возможность предоставления суду права выйти за пределы исковых требований в целях оценки договора страхования на предмет наличия в нем недобросовестных или несправедливых условий.

Ключевые слова: добросовестность, страховой случай, несправедливые договорные условия, неравенство переговорных возможностей

Цитирование: Сенотрусова Е. М., Иванчей В. В. Недобросовестность страховщика на этапе заключения договора страхования. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 2. С. 250–258. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-250-258>

full article

Mala Fides Insurance Agents at the Stage of Acquisition

Evgenia M. Senotrusova
Irkutsk Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office
of the Russian Federation, Russia, Irkutsk
<https://orcid.org/0000-0001-8292-1193>
evg-suranova@yandex.ru

Vyacheslav V. Ivanchey
Irkutsk Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office
of the Russian Federation, Russia, Irkutsk
<https://orcid.org/0000-0001-5320-1605>

Received 12 Aug 2022. Accepted after peer review 12 Sep 2022. Accepted for publication 21 Oct 2022.

Abstract: The article features the unconscionability of insurance agents at the stage of affecting the insurance contract. It describes such cases of *mala fides* as unfair conditions, fine and unreadable print in contract texts, poor insurance coverage, short notice periods, and unexpected narrowing of the insurance territory. Subjective unconscionability means that the insurance agent is aware of the circumstances essential to determine the probability of an insurance risk or the possibility to obtain such information. In this regard, Article 428 of the Civil Code of the Russian Federation and the *contra proferentem* may prevent unfair contractual conditions and imbalance. Courts need to be granted the right to go beyond the plaintiff's claims in order to evaluate the contract.

Keywords: conscientiousness, insured event, unfair contractual conditions, inequality of negotiation opportunities

Citation: Senotrusova E. M., Ivanchey V. V. *Mala Fides* Insurance Agents at the Stage of Acquisition. *Vestnik Kemarovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(2): 250–258. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-250-258>

Введение

В настоящей работе предпринята попытка исследования недобросовестных практик страховщика как более сильной стороны на этапе заключения договора страхования. Анализ поведения страховщика с точки зрения добросовестности именно на данной стадии видится необходимым, поскольку на ней происходит согласование воли контрагентов, установление существенных условий договора и юридическое оформление всего страхового правоотношения. Потребность в исследовании выбранной тематики подтверждают и такие обстоятельства, как активное применение в страховой сфере стандартных условий договора, вынужденность (в известном смысле этого слова) заключения договора страхования со стороны страхователя, навязанная, к примеру, банковской организацией [1, с. 32–33], недостаточная информированность страхователей и др.

Для работы использованы научные труды таких выдающихся ученых, как А. А. Волос, В. Г. Голубцов, К. В. Нам, И. Б. Новицкий, Т. В. Новикова, О. А. Кузнецова, Ю. Б. Фогельсон и др. Эмпирической базой исследования, помимо научных работ указанных и иных цивилистов по вопросам сущности добросовестности и проблемным аспектам страховых отношений, послужили материалы правоприменительной практики.

Методологическая основа исследования представлена всеобщим диалектическим методом, методами анализа и синтеза, индукции и дедукции, системным и формально-юридическим методами.

О добросовестности в частном праве

Добросовестность, являясь важнейшей категорией цивилистики, получила свое официальное признание в качестве основного начала гражданского права сравнительно недавно¹. В 2013 г. в процессе реформирования гражданского законодательства ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) была дополнена нормами, согласно которым субъекты гражданских правоотношений обязаны действовать добросовестно при установлении, осуществлении и защите гражданских прав, а также при исполнении гражданских обязанностей. Добросовестность, признаваемая доктриной и правоприменителем и до 2013 г., «получила полноценную охраноспособность» и стала своего рода «метарежимом частного права» [2, с. 492] именно после своего закрепления в тексте кодифицированного акта.

Нельзя отрицать и то, что добросовестность является многоаспектным явлением, представленным в самом общем виде в качестве универсального механизма противодействия нечестности в имущественном

обороте [2, с. 494]. Указанное явление, находясь в сфере права, полностью «очищается» от нравственного наполнения, образуя известный объективный идеал поведения участников оборота, который, безусловно, может совпадать с нравственным, но таковым не является.

Понятие добросовестности в цивилистике принято рассматривать в объективном и субъективном значениях. Последний подход считается превалирующим; его сторонники – Е. Е. Богданова [3, с. 11–12], А. А. Волос [4, с. 195], К. В. Нам [5, с. 78], А. И. Пименова [6, с. 208], О. А. Кузнецова [7, с. 33], А. Г. Карапетов и др. [8, с. 174]. При этом названные категории являются самостоятельными, отражают суть взаимосвязанных и дополняющих друг друга, но тем не менее разных правовых явлений [9, с. 82].

Добросовестность в объективном смысле понимается как основное начало гражданского права, взаимодействующее с нормами морали, но не тождественное им [10; 11, с. 8; 12, с. 45], требование, адресованное участникам оборота и суду [13], критерием для оценки соблюдения которого выступает заботливое и честное поведение всякого среднего участника оборота, ожидаемое от него другими лицами². В таком понимании добросовестность обеспечивает регулирование общественных отношений [14, с. 287], восполнение пробелов, адекватную интерпретацию закона, его дополнение и исправление, социализацию и этический ренессанс частного права [15, с. 112–113], построение партнерских отношений между участниками оборота [16, с. 147].

Добросовестность в субъективном смысле представляет собой «извинительное» заблуждение, неосведомленность лица о юридически значимых фактах и обстоятельствах, которое такое лицо не смогло преодолеть, несмотря на разумно принятые для этого меры [17, с. 76–77]. Субъективная добросовестность обычно находит отражение в тексте закона в виде неких формул следующего рода: «не знал», «не знал и не должен был знать». Добросовестность в субъективном смысле также устанавливается по вполне объективным, выработанным законодателем или правоприменителем критериям, т. е. критериям, определяемым не каждым участником оборота самостоятельно по своему усмотрению и исходя из собственных представлений о честном поведении, а с учетом обычного поведения среднего законопослушного участника оборота и правомерных ожиданий его контрагентов [18, с. 169]. В данном случае термин *субъективный* указывает на субъективное состояние лица, осознание или неосознание им определенных обстоятельств.

¹ О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой ГК РФ. ФЗ № 302-ФЗ от 30.12.2012 (в ред. от 04.03.2013). СПС КонсультантПлюс.

² О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ. Постановление Пленума ВС РФ № 25 от 23.06.2015. СПС КонсультантПлюс.

Объективная недобросовестность страховщика на этапе заключения договора

Анализ правоприменительной практики показывает, что объективная недобросовестность страховщика на этапе заключения договора выражается, как правило, во включении в него несправедливых договорных условий.

Распространенность названной недобросовестной практики объясняется легально признанным правом страховщика использовать стандартные формы договора, а также заключать договор страхования путем вручения страхователю страхового полиса. Исходя из буквального толкования п. 3 ст. 940 ГК РФ, п. 1 ст. 943 ГК РФ условия договора страхования могут содержаться не в одном документе, а в нескольких, в том числе в заявлении, послужившем основанием для выдачи страхового полиса³. Риски включения несправедливых условий увеличиваются и за счет формального ознакомления либо неознакомления страхователя с правилами страхования в связи с непредставлением ему их текста в письменном виде, отсутствием объективно требуемого времени для их прочтения и истолкования. Нельзя исключать и возможность разработки страховщиком правил страхования в одностороннем порядке с намеренным нарушением требований юридической техники, оставлением пробелов и допущением противоречий. К примеру, имеют место случаи включения условий об обязанностях страхователя или исключениях из страхового покрытия в разделы договора, посвященные иным вопросам.

В качестве второй наиболее часто встречающейся недобросовестной практики следует указать включение в договор страхования оговорки в виде безусловной запретительной франшизы. К примеру, договором страхования, заключенным между гражданином и акционерным страховым обществом, устанавливалась безусловная запретительная франшиза в размере 95 % от страховой суммы, если страховой случай по риску «ущерб, гибель от ДТП» произошел вследствие действий лица, проехавшего на запрещающий сигнал светофора. Из условий договора оставалось неясным, идет ли речь в данном случае про действия самого страхователя или иного, третьего лица. Поскольку страховой случай произошел в связи с проездом иного лица на запрещающий сигнал светофора, страхователь страховое возмещение не получил⁴.

Еще один пример недобросовестного поведения – значительное ограничение страхового покрытия в правилах страхования посредством формулирования ряда обстоятельств, при наличии которых наступившее событие не квалифицируется как страховой случай. Безусловно, указание отдельных исключений из покрытия может быть вызвано объективными факторами, связанными с повышенными рисками и, соответственно, готовностью их принять страховщиком только при условии дополнительной страховой премии. Однако страховщикам следует напрямую информировать страхователя о таких случаях, предлагать последнему ознакомиться с их единым исчерпывающим перечнем, изложенным доступным и понятным языком.

Приведем некоторые примеры недобросовестного исключения из страхового покрытия. Так, между страхователем и страховщиком заключен договор страхования автотранспортного средства по рискам «ущерб» и «хищение». В полисе страхования какие-либо исключения из названных рисков не указывались. Вместе с тем, согласно правилам страхования, утвержденным страховщиком в одностороннем порядке, в число страховых случаев не входит хищение автотранспортного средства, не оборудованного противугонными системами, соответствующими установленным страховщиком требованиям⁵. Указанный пример интересен и тем, что в нем проиллюстрирована еще одна недобросовестная практика – «камуфлирование» обязанностей страхователя под видом иных условий договора, в частности под видом исключения из страхового покрытия.

Другой пример: по правилам страхования, страховым случаем не является ущерб в результате повреждения транспортного средства, если на момент такого повреждения окна автомобиля были открыты⁶. Несправедливость приведенного условия заключается в появившейся возможности со стороны страховщика отказать в выплате возмещения со ссылкой на открытость окна вне зависимости от степени такой открытости и причинно-следственной связи между указанным обстоятельством и наступившим событием (безусловно, в части т. н. «исключаемых рисков» подобная оговорка может явиться справедливой, но только при условии наличия связи между соответствующим исключением и материализацией риска [19, с. 36]).

³ О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан. Постановление Пленума ВС РФ № 20 от 27.06.2013. СПС КонсультантПлюс. Аналогичная позиция высказывалась ранее Президиумом ВАС РФ. См., например: Обзор практики рассмотрения споров, связанных с исполнением договоров страхования. Информационное письмо Президиума ВАС РФ № 75 от 28.11.2003. СПС КонсультантПлюс.

⁴ Апелляционное определение ВС Республики Татарстан от 03.07.2014 по делу № 33-8996/2014. СПС КонсультантПлюс.

⁵ Обзор судебной практики ВС РФ № 1 (2017), утв. Президиумом ВС РФ 16.02.2017. СПС КонсультантПлюс.

⁶ Правила страхования автотранспортных средств. URL: https://www.ingos.ru/Upload/info/pravila_kasko/For_Motor_Vehicle_Insurance_Moscow_2020_preview.pdf (дата обращения: 11.04.2022).

В договорах личного страхования распространены условия, согласно которым страховым случаем не является факт установления лицу инвалидности, если период с момента диагностирования заболевания, ставшего причиной такой инвалидности, превышает установленный страховщиком в одностороннем порядке срок [20, с. 50].

Недобросовестность страховщика при формулировании условий договора и его заключении может проявляться при необоснованно узком и неожиданном для страхователя определении территории, на которую заключенный договор распространяется (к примеру, указание мелким шрифтом в виде таковой небольшого населенного пункта по месту нахождения страхового агента, действующего в интересах страховщика⁷), или установлении неразумных сроков уведомления страховщика о наступлении страхового случая⁸. Допускаются случаи предъявления к страхователям излишне обременительных требований по предоставлению необоснованно широкого перечня документов, указания на выплату страхового возмещения при наступлении страхового случая только после окончания срока действия договора и др.

Таким образом, объективная недобросовестность страховщика на этапе заключения договора может выражаться во включении в него несправедливых договорных условий или оговорок в виде безусловной запретительной франшизы, в существенном ограничении страхового покрытия, установлении неразумных сроков уведомления страховщика о наступлении страхового случая, предъявлении требований по предоставлению необоснованно широкого перечня документов и др.

Субъективная недобросовестность страховщика на этапе заключения договора

Добросовестность в субъективном смысле представляет собой «извинительное» заблуждение лица о юридически значимых обстоятельствах, которое такое лицо не смогло преодолеть, несмотря на принятые меры. В сфере страховых отношений субъективная добросовестность предусмотрена п. 1 ст. 944 ГК РФ, согласно которому при заключении договора страхователь обязан сообщить страховщику обстоятельства, имеющие существенное значение для определения вероятности наступления страхового случая и размера возможных убытков от его наступления, если эти обстоятельства не известны и не должны быть известны страховщику.

Исходя из содержания приведенной нормы следует, что «неизвинительное заблуждение» страховщика

будет иметь место в случае, когда страховщик обладал сведениями об обстоятельствах, имеющих существенное значение для определения вероятности страхового риска, либо когда страховщик хотя и не был осведомлен о таких обстоятельствах, но, проявив требуемую от него как от профессионала степень внимательности и предусмотрительности, должен был узнать о них. В данном случае поведение страховщика сравнивается со стандартом поведения всякого среднего, разумного страховщика, обладающего необходимой компетенцией; считается, что последний имел возможность узнать о таких обстоятельствах посредством включения соответствующих вопросов и оговорок в бланк заявления на выдачу полиса, направления письменных запросов и проч. Последствием несоблюдения субъективной добросовестности будет являться невозможность страховщика требовать признания сделки недействительной и применения последствий, предусмотренных ст. 179 ГК РФ.

Приведем пример. Страховщик обратился в суд с иском к страхователю о признании договора недействительным на том основании, что последний при заключении договора не сообщил о неудовлетворительном состоянии электрической проводки в застрахованном здании, что послужило причиной возгораний и пожара, произошедших в течение двух лет, предшествующих заключению договора. Суды, отказывая в удовлетворении иска, указали, что в стандартном бланке заявления не содержалось вопросов о состоянии электропроводки в здании, а сообщенные страхователем сведения (ответы на вопросы в стандартном бланке заявления) являются достоверными. Таким образом, если при заключении договора страхования страхователь умолчал об известных ему обстоятельствах, имеющих существенное значение для определения степени риска, которые не были и не должны были быть известны страховщику и которые не были оговорены страховщиком в стандартной форме договора страхования или в его письменном запросе, то основания для признания договора страхования недействительным отсутствуют⁹.

В приведенном примере неосведомленность страховщика носит неизвинительный характер, поскольку он, являясь лицом, осуществляющим профессиональную деятельность на рынке страховых услуг и вследствие этого более сведущим в определении факторов риска, имел реальную возможность выяснить все обстоятельства, влияющие на возможность возникновения пожара, в частности состояние проводки (нельзя не отметить, однако, что вопрос об информационной

⁷ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11.08.2014 по делу № А56-44820/2013. СПС КонсультантПлюс.

⁸ Определение ВС РФ № 305-ЭС21-3981 от 16.04.2021. СПС КонсультантПлюс.

⁹ Обзор практики рассмотрения споров, связанных с исполнением договоров страхования. Информационное письмо Президиума ВАС РФ № 75 от 28.11.2003. СПС КонсультантПлюс.

обязанности страхователя по предоставлению сведений, имеющих существенное значение для заключения договора страхования, является дискуссионным, высказано немало предложений о необходимости усиления ответственности страхователя как за сообщение заведомо ложных сведений, так и за их умолчание¹⁰ [21]).

Таким образом, проявлением субъективной недобросовестности является заявление страховщиком требований о признании сделки недействительной и применении последствий, предусмотренных ст. 179 ГК РФ, при его осведомленности об обстоятельствах, имеющих существенное значение для определения вероятности страхового риска. Субъективная недобросовестность будет иметь место и тогда, когда страховщик, хотя и не был осведомлен о таких обстоятельствах, но проявив требуемую от него как от профессионала степень внимательности и предусмотрительности, должен был узнать о них.

О механизмах борьбы с недобросовестным поведением страховых организаций

Для противодействия недобросовестности страховщика в объективном смысле требуется более активное применение защиты прав, закрепленных в ст. 428 ГК РФ и заключающихся в возможности механизмов присоединившейся к договору стороны или более слабого контрагента требовать расторжения или изменения договора в части несправедливых, явно обременительных условий. Однако приходится констатировать, что на сегодняшний день они активно применяются лишь в отдельных сферах (наиболее активно – в сфере кредитования), в то время как в других только начинают признаваться.

К примеру, постановлением суда кассационной инстанции по требованию индивидуального предпринимателя в порядке ст. 428 ГК РФ изменен кредитный договор путем исключения из него положения, устанавливающего право банка по своему усмотрению и без объяснения причин увеличивать размер процентов за пользование кредитом, а также сокращать срок возврата кредита. Суд признал, что положения договора, об исключении которых просил истец, содержат явно обременительные условия для присоединившейся стороны, которые она, исходя из своих разумно понимаемых интересов, не приняла бы при наличии у нее возможности участвовать в определении условий договора. Спорные положения не соответствуют принципу добросовестности в коммерческой деятельности, они явно обременительны для заемщика, поэтому существенным

образом нарушают баланс интересов сторон, т. к. предоставляют кредитору возможность в одностороннем порядке изменять согласованные сторонами условия договора, которые являются существенными для договоров такого вида. Тот факт, что в договоре имелись и условия, согласованные сторонами индивидуально (сумма кредита, сроки возврата и т. п.), не препятствует применению ст. 428 ГК РФ к положениям кредитного договора, в отношении которых заемщик был вынужден принимать навязанные ему условия¹¹.

В сфере страхования подобную практику трудно назвать широко распространенной или устоявшейся, однако единичные решения в пользу страхователей встречаются. Одним из знаковых решений представляется следующее. К., являясь собственником автомобиля, заключил договор добровольного страхования транспортного средства с ООО СК «Согласие» по рискам «ущерб» и «хищение». 17 августа 2013 г. автомобиль истца был похищен. Постановлением следователя СО ОМВД России по г. Анапе по данному факту возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ (мошенничество). Страховщик отказал в выплате страхового возмещения со ссылкой на то, что хищение автомобиля путем мошенничества не является страховым случаем.

Установлено, что договор страхования между сторонами заключен путем выдачи страховщиком страхового полиса, в котором в качестве событий, на случай которых осуществляется страхование, указаны ущерб и хищение. Каких-либо исключений относительно данных страховых рисков в полисе не содержится. Исключение содержалось в утвержденных страховщиком в одностороннем порядке Правилах страхования (ссылка на которые приведена в полисе страхования мелким шрифтом), согласно которым из числа страховых случаев исключены любые другие виды и способы хищения, кроме кражи, грабежа или разбоя. Суды, принимая во внимание принцип добросовестности, правило *contra proferentem* и требования законодательства о защите прав потребителей в части установления обязанности исполнителя доводить информацию об услуге до потребителя в наглядной и доступной форме, удовлетворили требования К. к страховщику, обязав последнего произвести страховую выплату¹².

Интерес представляет и дело об оспаривании страховщиком предписания территориального управления Роспотребнадзора об устранении допущенных требований закона, а именно изложение ряда существенных условий договора страхования очень мелким, трудно

¹⁰ Концепция развития положений части второй ГК РФ о договоре страхования. Одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства № 202/оп-1/2020 от 25.09.2020. СПС КонсультантПлюс.

¹¹ Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений ГК РФ о кредитном договоре. Информационное письмо Президиума ВАС РФ № 147 от 13.09.2011. СПС КонсультантПлюс.

¹² Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ № 18-КГ15-47 от 21.04.2015. СПС КонсультантПлюс.

воспринимаемым шрифтом, что не соответствует критериям наглядности и доступности информации для потребителя; невыдача страхователю разработанных страховщиком в одностороннем порядке правил страхования. Указанные правила страхования (добровольного страхования транспортных средств и спецтехники, индивидуального страхования от несчастных случаев и проч.) устанавливали перечень страховых рисков и страховых случаев, включая т.н. исключения из страхового покрытия, регламентировали порядок определения страховой выплаты, предъявления соответствующих требований и иные вопросы, имеющие существенное значение для заключения и исполнения договора потребителем. Кроме того, согласно указанию закона, названные правила являются неотъемлемой частью договора страхования и в обязательном порядке должны выдаваться потребителю. Решениями судов предписание уполномоченного органа признано законным и подлежащим исполнению¹³.

Вместе с тем на сегодняшний день наиболее распространенным является другой подход. Так, в одном из споров судами отказано в удовлетворении требований К. об исключении условий договора страхования, значительно ограничивающих круг событий, являющихся страховым случаем и прописанных мелким, трудно читаемым шрифтом. Суд, не усмотрев в поведении страховщика противоправности, мотивировал свое решение тем, что гражданин полностью понимал все условия договора страхования, что подтверждается его подписью. Доводы о незаметности текста суд посчитал неубедительными, т.к. договор был подписан без каких-либо оговорок¹⁴.

Схожая позиция представлена и по другому делу. Судами признан недействительным договор личного страхования, поскольку на момент заключения договора у Л. было диагностировано тяжелое заболевание. Страхователь пояснил, что при заключении договора личного страхования условие, в соответствии с которым он подтверждает отсутствие у себя на момент заключения договора тяжелых заболеваний и указанное мелким шрифтом в стандартном бланке, осталось им незамеченным. Однако суд посчитал, что использование мелкого шрифта не препятствовало страхователю ознакомиться с соответствующими условиями страхования, а добровольное выражение волеизъявления на вступление в обязательство и согласие со всеми условиями заключаемого договора подтверждается его

собственноручной подписью¹⁵. Аналогичный подход прослеживается и в решениях других судов¹⁶.

Не оценивая приведенные выше решения судов на предмет правомерности и справедливости, остается выразить надежду на более активное применение инструмента, закрепленного в ст. 428 ГК РФ, в сфере страхования. Страхователь, будучи профессиональным участником рынка, может стремиться установить более выгодное для себя положение в страховом правоотношении за счет ожидаемой невнимательности контрагента [22, с. 264], что, безусловно, противоречит сущности страхования как меры защиты и обеспечения спокойствия страхователей [23, с. 92–110].

Слабая переговорная позиция страхователя обуславливает необходимость формирования патерналистского подхода в вопросах защиты его прав, в связи с чем представляется возможным предоставление суду в страховых спорах права выхода за пределы заявленных требований с целью оценки договора страхования на предмет наличия в нем несправедливых или иных недобросовестных условий. В случае, если страхователем выступает потребитель, а договор ущемляет его права по сравнению с обычными условиями, суду, на наш взгляд, следует предоставить право по собственной инициативе применять последствия ничтожности сделки в указанной части. Такие полномочия следует трактовать в качестве права выйти за пределы исковых требований, а не обязанности; необходимость подобного выхода суд оценивает самостоятельно, принимая во внимание все обстоятельства дела. Более того, нельзя не согласиться с предложением о внедрении превентивного механизма защиты потребителей и иных лиц от несправедливых условий, содержащихся в разработанных бизнесом стандартных договорах [24, с. 179].

В ряде случаев видится необходимым и обращение к правилу *contra proferentem*, широко применяемому в зарубежных правовых системах и в сфере международного частного права. Указанное правило было введено в отечественное правовое пространство во многом благодаря усилиям Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, разъяснившего в своем постановлении о свободе договора необходимость толкования неясных условий соглашения в случае невозможности установить действительную общую волю сторон в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия¹⁷.

¹³ Постановление Арбитражного суда Уральского округа № Ф09-793/15 от 07.04.2015 по делу № А60-13459/2014. СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ Апелляционное определение ВС Республики Башкортостан от 23.12.2020 по делу № 33-18368/2020. СПС КонсультантПлюс.

¹⁵ Определение ВС РФ № 2-3676/2018 от 09.06.2020 по делу. СПС КонсультантПлюс.

¹⁶ Апелляционное определение Мурманского областного суда от 29.11.2021 по делу № 33-3505/2021; Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 20.01.2016 по делу № 33-376/2016; Апелляционное определение Московского городского суда от 12.09.2017 по делу № 33-36380. СПС КонсультантПлюс.

¹⁷ О свободе договора и ее пределах. Постановление Пленума ВАС РФ № 16 от 14.03.2014. СПС КонсультантПлюс.

Требуется и активизация работы по информированию населения по вопросам страховой грамотности, формированию ее компонентов хотя бы на базовом уровне [25, с. 129]. Необходимым представляется подготовка и распространение тематических буклетов и брошюр с основными терминами в сфере страхования, разработка перечней типичных «черных» и «серых» условий договоров страхования.

Резюмируя авторскую позицию о субъективной недобросовестности страховщика, следует отметить, что противодействие ей исчерпывается отказом в удовлетворении его требований о признании сделки недействительной и применении последствий, предусмотренных ст. 179 ГК РФ.

Заключение

Проведенный анализ судебной практики показывает, что на сегодняшний день нередки случаи нарушения страховщиком требований добросовестности на стадии заключения договора страхования. Наибольшее распространение получили проблемы включения в договор страхования несправедливых условий и использование таких недобросовестных практик, как оформление страхового полиса или правил страхования трудночитаемым шрифтом; размещение правил страхования на сайте во «второстепенных» вкладках, что требует их активного поиска; невыдача правил страхования «на руки» страхователям для ознакомления с ними; «умолчание» о существенных и невыгодных страхователю оговорках, принятых страховщиком в одностороннем порядке; предоставление существенно ограниченного времени контрагенту для ознакомления с предложенными условиями договора и др.

Верно отмечено, что добросовестность в преддоговорных и договорных отношениях связана с пониманием договора как наивысшей формы доверия [26, с. 83], а следовательно, страховщик должен

заботиться не только о своей выгоде, но и предоставить другой стороне то, к чему она стремилась при вступлении в страховые отношения, и содействовать ей в получении необходимой информации.

Для борьбы с недобросовестным поведением страховщика требуется более активное применение специального инструмента судебного *ex post* контроля договорных условий, установленного ст. 428 ГК РФ. Кроме того, судам при разрешении страховых споров необходимо предоставить возможность выхода за пределы заявленных требований с целью оценки договора на предмет наличия в нем несправедливых или иных недобросовестных условий, а в случае участия на стороне страхователя потребителя и ограничения предоставленных ему законодательством о защите потребителей прав – возможность применения последствий ничтожности сделки. Целесообразным видится также использование превентивного механизма защиты от несправедливых условий, содержащихся в разработанных страховщиками стандартных договорах, более активное применение судами правила *contra proferentem* и повышение страховой грамотности участников гражданского оборота.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / Reference

1. Лихтер П. Л. О некоторых аспектах реализации принципа добросовестности при потребительском кредитовании: поиск баланса интересов. *Lex Russica*. 2021. Т. 74. № 5. С. 28–37. [Likhter P. L. Some aspects of implementation of the principle of integrity in consumer lending: in search for the balance of interests. *Lex Russica*, 2021, 74(5): 28–37. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.174.5.028-037>
2. Голубцов В. Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2019. № 45. С. 490–518. [Golubtsov V. G. Subjective good faith in the structure of the general concept conscientiousness of good faith. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki*, 2019, (45): 490–518. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2019-45-490-518>
3. Богданова Е. Е. Добросовестность и право на защиту в договорных отношениях. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 159 с. [Bogdanova E. E. *Good faith and remedies in contract law*. Moscow: IUNITI-DANA, 2010, 159. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zhflf>
4. Волос А. А. Принципы-методы гражданского права и их система. М.: Юстицинформ, 2018. 258 с. [Volos A. A. *Principles-methods of civil law and their system*. Moscow: Iustitsinform, 2018, 258. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yogdil>

5. Нам К. В. Принцип добросовестности: некоторые проблемы развития доктрины. *Вестник гражданского права*. 2017. Т. 17. № 6. С. 74–89. [Nam K. V. The principle of good faith: some problems of epy doctrine's development. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2017, 17(6): 74–89. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ykxhdl>
6. Пименова А. И. Проблемы развития категории «добросовестность» в Гражданском праве России. *Право и правоохранительная деятельность: IV Междунар. науч.-практ. конф.* (Саратов, 28 апреля 2017 г.) Саратов: Саратовский источник, 2017. С. 204–207. [Pimenova A. I. Problems of the development of the category conscientiousness in the Civil Law of Russia. *Law and law enforcement: Proc. IV Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Saratov, 28 Apr 2017. Saratov: Saratovskii istochnik, 2017, 204–207. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ztsysrv>
7. Кузнецова О. А. Нормативное оформление и значение гражданско-правового принципа добросовестности. *Принцип добросовестности в гражданском праве: проблемы реализации: Междунар. науч.-практ. конф.* (Челябинск, 11–12 сентября 2015 г.) Челябинск: Полиграф-мастер, 2015. С. 27–33. [Kuznetsova O. A. Normative design and the meaning of the civil law principle of good faith. *The principle of good faith in civil law: problems of implementation: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Chelyabinsk, 11–12 Sep 2015. Chelyabinsk: Poligraf-master, 2015, 27–33. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uzdfwo>
8. Асосков А. В., Байбак В. В., Бевзенко Р. С., Громов А. А., Громов С. А., Калятин В. О., Карпетов А. Г., Маркелова А. А., Павлов А. А., Петроль О. Д., Рыбалов А. О., Сарбаш С. В., Суворов Е. Д., Федоров Д. В., Церковников М. А., Ягельницкий А. А. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: М-Логос, 2020. 1469 с. [Asoskov A. V., Baibak V. V., Bevzenko R. S., Gromov A. A., Gromov S. A., Kalyatin V. O., Karapetov A. G., Markelova A. A., Pavlov A. A., Petrol O. D., Rybalov A. O., Sarbash S. V., Suvorov E. D., Fedorov D. V., Tserkovnikov M. A., Yagelnitsky A. A. *The main provisions of civil law: article-by-article commentary to Articles 1–16.1 of the Civil Code of the Russian Federation*. Moscow: M-Logos, 2020, 1469. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/epdmkk>
9. Соломин С. К. Теория добросовестности в российском гражданском праве: становление, развитие, перспективы. *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2016. № 2. С. 75–85. [Solomin S. K. The theory of integrity in Russian civil law: formation, development, prospects. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"*, 2016, (2): 75–85. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wmrslt>
10. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права. *Вестник гражданского права*. 2006. № 1. С. 124–189. [Novitskii I. B. The principle of good conscience in the draft law of obligations. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2006, (1): 124–189. (In Russ.)]
11. Егоров А. В. Принцип гражданской добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы. *Legal Insight*. 2013. № 2. С. 4–10. [Egorov A. V. The principle of civil integrity in the Civil Code of the Russian Federation: the first steps of reform. *Legal Insight*, 2013, (2): 4–10. (In Russ.)]
12. Новикова Т. В. К вопросу об объективном значении понятия добросовестности в российском гражданском праве. *Современное право*. 2007. № 11-1. С. 45–46. [Novikova T. V. Objective meaning of the concept of bone fides in Russian civil law. *Sovremennoe pravo*, 2007, (11-1): 45–46. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kvikwx>
13. Нам К. В. Развитие принципа добросовестности (treu und glauben). Современный этап. Внутренняя систематика. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2018. № 7. С. 83–114. [Nam K. V. Development of the good faith principle. Modern stage. Internal systematics. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia Rossiiskoi Federatsii*, 2018, (7): 83–114. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/utsruk>
14. Виниченко Ю. В. О презумпции добросовестности в российском праве. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2018. Т. 160. № 2. С. 285–301. [Vinichenko Yu. V. About the presumption of good faith in Russian law. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, 2018, 160(2): 285–301. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yunzkk>
15. Богданов Д. Е. Постмодерн в российском частном праве: взаимодействие правовой и судебной доктрины. *Lex Russica*. 2021. Т. 74. № 11. С. 102–123. [Bogdanov D. E. Postmodernity in Russian private law: Interaction of legal and judicial doctrine. *Lex Russica*, 2021, 74(11): 102–123. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.180.11.102-123>
16. Самородский Д. С., Семкина И. А., Руднев В. О. Краткий сравнительно-правовой анализ принципа добросовестности в немецком и российском законодательстве. *Образование и право*. 2021. № 9. С. 145–152. [Samorodsky D. S., Semkina I. A., Rudnev V. O. Brief comparative legal analysis of the principle of good faith in German and Russian legislation. *Obrazovanie i pravo*, 2021, (9): 145–152. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-9-145-152>
17. Емельянов В. И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М.: Лес-Книга, 2002. 160 с. [Emelyanov V. I. *Reasonableness, conscientiousness, non-abuse of civil rights*. Moscow: Less-Kniga, 2002, 160. (In Russ.)]

18. Непомнящих А. А. Добросовестность в гражданском праве. *NovaUm.Ru*. 2017. № 5. С. 168–170. [Непомнящих А. А. Conscientiousness in civil law. *NovaUm.Ru*, 2017, (5), 168–170. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xyccjj>
19. Кратенко М. В., Луйк О.-Ю. Исключения из страхового покрытия, не отвечающие критериям честной деловой практики: перспективы защиты прав страхователей в России и Эстонии как государстве – члене Европейского Союза. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2019. № 6. С. 34–50. [Kratenko M. V., Luik O.-J. Insurance exclusions contrary to the requirement of fair business practice: perspectives for protection of policyholder's rights in Russia and Estonia as a member of the European Union. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2019, (6): 34–50. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jfcl.2019.6.3>
20. Ахметзянова Г. Н. Договор страхования: практические аспекты исполнения и защиты нарушенных прав. *Вестник экономики, права и социологии*. 2021. № 4. С. 49–51. [Akhmetzyanova G. N. Insurance contract: practical aspects of execution and protection of violated rights. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 2021, (4): 49–51. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ycvfigf>
21. Кратенко М. В. Преддоговорная обязанность страхователя по раскрытию обстоятельств риска ("duty of disclosure"): модели в европейском страховом праве и перспективы для России. *Журнал российского права*. 2020. № 5. С. 78–93. [Kratenko M. V. Policyholder's pre-contractual information duty ("duty of disclosure"): models in European insurance law and prospects for Russia. *Journal of Russian Law*, 2020, (5): 78–93. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.057>
22. Фогельсон Ю. Б. Страхование право: теоретические основы и практика применения. М.: ИНФРА-М, 2012. 576 с. [Fogelson Yu. B. *Insurance law: theoretical foundations and practical application*. Moscow: INFRA-M, 2012, 576. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pbdimc>
23. Фогельсон Ю. Б. Введение в страховое право. Просто о сложном. М.: БИК, 2001. 237 с. [Fogelson Yu. B. *Introduction to insurance law in simple terms*. Moscow: БИК, 2001, 237. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/supfmj>
24. Фогельсон Ю. Б. Защита от несправедливых условий договоров в российской судебной практике. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2018. № 10. С. 163–179. [Fogelson Yu. B. Protection against unfair contract terms in Russian case law. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia Rossiiskoi Federatsii*, 2018, (10): 163–179. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ynapat>
25. Закирова О. В., Мингазинова Е. Р. Страховая грамотность населения: оценка составляющих. *Вестник НГИЭИ*. 2020. № 9. С. 126–136. [Zakirova O. V., Mingazinova E. R. Insurance literacy of the population: assessment of components. *Bulletin NGIEI*, 2020, (9): 126–136. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2227-9407-2020-10089>
26. Захаров Д. Е., Захарова О. Е. Некоторые аспекты осуществления права с учетом принципа разумности и добросовестности в отечественном и германском праве. *Вестник экономики, права и социологии*. 2022. № 1. С. 81–84. [Zakharov D. E., Zakharova O. E. Some aspects of the exercise of law, taking into account the principle of reasonableness and good faith in domestic and German civil law. *Vestnik ekonomiki, prava i sotstsiologii*, 2022, (1): 81–84. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/panxqn>